

Архив Шерлока Холмса. Открытие Ралфза Хоу

Про книгу

В одной части книги собраны рассказы об удивительных делах Шерлока Холмса, о неожиданных разгадках, на которые оказывается способен только этот талантливый сыщик со своим аналитическим складом ума.

Другая часть - это интересная повесть «Открытие Рафлза Хоу» с философским подтекстом: может ли быть счастлив человек, обладающий невероятным, безграничным богатством? А люди, его окружающие?

Артур Конан

Дойл

Архив Шерлока
Холмса

Открытие Рафлза Хоу

Артур Конан Дойл
Архив Шерлока Холмса
Открытие Рафлза Хоу

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2010

ISBN 978-966-14-1833-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Д62 **Дойл А. К.** Собр. соч. [Текст] / пер. с англ. В. Михалюка ; коммент. канд. филол. наук, доцента А. П. Краснящих ; худож. Д. Скляр. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2010.

Т. 11. — 416 с. : ил. — Содерж. : Архив Шерлока Холмса : рассказы ; Открытие Рафлза Хоу : повесть.

ISBN 978-966-14-0640-6 (Украина, т. 11).

ISBN 978-966-14-0093-0 (серия).

ISBN 978-5-9910-1038-2 (Россия, т. 11).

ISBN 978-5-9910-0553-1 (серия).

В одной части книги собраны рассказы об удивительных делах Шерлока Холмса, о неожиданных разгадках, на которые оказывается способен только этот талантливый сыщик со своим аналитическим складом ума. Другая часть — это интересная повесть «Открытие Рафлза Хоу» с философским подтекстом: может ли быть счастлив человек, обладающий невероятным, безграничным богатством? А люди, его окружающие?

В одній частині книжки зібрано оповідання про дивовижні справи Шерлока Голмса, про несподівані розгадки, на які здатен лише цей талановитий сищик зі своїм аналітичним складом розуму. Друга частина — це цікава повість «Відкриття Рафлза Хоу» з філософським підтекстом: чи може бути щасливою людина, яка має неймовірне, безмежне багатство? А її оточуючі?

ББК 84.4ВЕЛ

Архив Шерлока Холмса

Предисловие

Порой у меня возникает опасение, что Шерлок Холмс может стать похожим на одного из тех популярных певцов, которые давно уже пережили свое время, но все никак не хотят уходить со сцены, все снова и снова возвращаясь для очередного прощального поклона перед снисходительной публикой. Но рано или поздно этому неизбежно приходит конец и он должен будет прекратить свое существование, как материальное, так и воображаемое. Людям нравится думать, что есть мир, в котором живут порождения вымысла, некое странное, не существующее в действительности место, где кавалеры Филдинга* по-прежнему ухаживают за дамами Ричардсона*, где продолжают совершать подвиги отважные герои Скотта*, где очаровательные лондонцы Диккенса все также вызывают смех, а карьеристы Теккерея* по-прежнему строят свои честолюбивые планы. Возможно, в каком-нибудь скромном уголке подобной Валгаллы* и Шерлок с верным Ватсоном смогут найти место, пока какой-нибудь еще более проницательный сыщик со своим менее проницательным товарищем будут занимать оставленную ими сцену.

Карьера его оказалась долгой, хотя пока ничто не мешает ее продлить. Когда ко мне обращаются уже достаточно немолодые люди и говорят, что выросли на его приключениях, они не получают от меня тех ответов, на которые рассчитывают. Но они должны меня понять: кому хотелось бы, чтобы в его жизни копались так же грубо? Фактически дебют Холмса состоялся в «Этюде в багровых тонах»* и «Знаке четырех»*, которые вышли небольшими книжками в 1887 и 1889 годах. В 1891-м на страницах «Стрэнд мэгэзин» появился «Скандал в Богемии»*, первый из длинной череды рассказов. Публике он пришелся по душе, и ей захотелось продолжения, поэтому с того времени, тридцать девять лет назад, они начали выходить отдельными сериями, в которых сейчас насчитывается ни много ни мало —

пятьдесят шесть историй. Все они переизданы в виде «Приключений»*, «Записок»*, «Возвращения»* и «Его прощального поклона»*. Кроме того, остаются еще двенадцать рассказов, напечатанных в течение последних нескольких лет, которые и собраны здесь под общим заголовком «Архив Шерлока Холмса». Он начал свои приключения в расцвете поздней викторианской эпохи*, продолжил их во время недолгого правления Эдварда* и продолжает занимать свою маленькую нишу даже в наши беспокойные времена. Так что я не погрешу против истины, если скажу, что сейчас в тех же журналах теми же приключениями продолжают увлекаться уже дети тех, кто впервые познакомился с ними еще во времена своей юности. Это лишний раз подтверждает, насколько терпелив и предан британский читатель.

В конце «Записок» я твердо намерился навсегда попрощаться с Холмсом, поскольку чувствовал, что мне не стоит сосредоточивать свою сочинительскую энергию в одном русле*. Бледное четко очерченное лицо и худощавая фигура начинали занимать слишком большую часть моего воображения. Замысел свой я воплотил в жизнь, но, к счастью, смерть моего героя не была зафиксирована официальным вердиктом coronera*, поэтому после долгого перерыва мне не составило труда в ответ на лестные для меня как для писателя настойчивые требования публики найти способ вернуть его к жизни. Я никогда не жалел об этом, поскольку сочинение этих легких рассказов не мешало мне с разной степенью успеха пробовать себя во многих областях литературы, таких как история, поэзия, исторический роман, психические исследования и драма. Если бы Холмса и не существовало, я бы вряд ли успел написать больше, хотя он, возможно, в какой-то мере и помешал признанию моих более серьезных литературных произведений.

Что ж, читатель мой, настала пора навсегда попрощаться с Шерлоком Холмсом! Я благодарен тебе за верность и могу лишь надеяться, что помог тебе хотя бы на время позабыть о житейской суете и повседневных заботах и перенестись в волшебную страну под названием Романтика.

Артур Конан Дойл

Дело I. Приключения камня Мазарини*

Доктору Ватсону было приятно снова оказаться в небольшой неубранной комнате на втором этаже дома на Бейкер-стрит, в той самой комнате, с которой память его связывала столько замечательных приключений. Он окинул взором висящие на стене научные таблицы, прожженный во многих местах кислотой столик для химикатов, стоящий в углу футляр скрипки, угольное ведерко, в котором хранились трубки и табак. Наконец взор его натолкнулся на добродушное лицо Билли, молодого, но очень смышленного и воспитанного слуги, который помогал необщительному и замкнутому великому сыщику* справляться с одиночеством и оторванностью от мира.

— Здесь, похоже, все осталось по-старому. Да и вы, Билли, сами ничуть не изменились. Надеюсь, то же можно сказать и о нем?

Билли с некоторым беспокойством посмотрел на закрытую дверь спальни.

— По-моему, он сейчас спит, — произнес он.

Было всего семь часов вечера, стояла изумительная летняя погода, но доктор Ватсон слишком хорошо знал своего старого друга, с его непостоянным образом жизни, чтобы удивляться.

— Полагаю, это означает, что он сейчас занят очередным делом?

— Да, сэр, он весь в работе. И знаете, я боюсь за его здоровье. Он бледнеет и худеет с каждым часом, да к тому же и не ест ничего. Миссис Хадсон спросила у него: «Когда подать обед, мистер Холмс?», а он отвечает: «В семь тридцать, послезавтра». Вы же знаете, каким он становится, когда работает.

— Знаю, Билли, знаю.

— Он кого-то выслеживает. Вчера вышел из дому под видом безработного бездельника, сегодня вырядился старушкой да так, что я его не узнал, хотя уж за все это время я хорошо выучил его приемы. —

Билли с улыбкой указал на старый потрепанный зонтик, прислоненный к дивану. — Это из костюма старушки, — пояснил он.

— Но что он расследует, Билли?

Билли понизил голос, словно речь шла о великой государственной тайне.

— Вам я, конечно, расскажу, сэр, но больше никто этого знать не должен. Это дело о бриллианте из короны.

— Как? Неужели то самое похищение в сто тысяч фунтов?

— Да, сэр. Они очень хотят найти его. Вы не поверите, сам премьер-министр с министром внутренних дел сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был с ними очень любезен. Он быстро их успокоил и пообещал сделать все, что в его силах. А еще лорд Кантлмир...

— О!

— Да, сэр, вы понимаете, о чем я. Это очень жесткий человек, если можно так выразиться. Я могу иметь дело с премьером и ничего не имею против министра внутренних дел, это вообще очень воспитанный и любезный человек, но его светлость я терпеть не могу. И мистер Холмс тоже, сэр. Понимаете, он не верит, что мистер Холмс с этим справится, и был даже против того, чтобы поручить ему это дело. Кажется, он бы даже обрадовался, если бы у него ничего не вышло.

— А мистер Холмс знает об этом?

— Мистер Холмс всегда знает все, что ему нужно знать.

— Что ж, будем надеяться, что он справится, и лорд Кантлмир поймет, как был не прав. А для чего эта занавеска на окне, Билли?

— Это мистер Холмс повесил три дня назад. За ней у нас кое-что интересное.

Билли подошел к алькову эркера* и отдернул перекрывающую его портьеру.

Доктор Ватсон не смог сдержать возглас изумления. Там в кресле сидела точная копия его старого друга, его домашний халат и все остальное было в точности как у Холмса, голова скульптуры, повернутая на три четверти к окну, была немного наклонена вниз, как будто он читал какую-то невидимую книгу. Билли снял и подержал в руках голову.

— Мы выставляем ее под разными углами, чтобы выглядело естественнее. Я бы не осмелился к ней прикоснуться, если бы штора

не была опущена. Когда она поднята, фигуру видно в окно.

— А мы однажды использовали этот прием*.

— Это было еще до меня, — сказал Билли. Он заглянул за занавеску на окне. — За нами следят. Вон в том окне сидит человек. Можете сами посмотреть.

Ватсон сделал шаг к окну, когда дверь спальни открылась и из нее появилась худая высокая фигура Холмса. Лицо у него было бледное, щеки впали, но походка и движения остались энергичными, как обычно. Он подскочил к окну и быстро задернул занавеску.

— Хватит, Билли, — сказал он. — Вы только что поставили под угрозу свою жизнь, мальчик мой, а я пока что без вашей помощи не обойдусь. Рад приветствовать вас, Ватсон, в вашей старой штаб-квартире. Вы пришли в решающую минуту.

— Я так и понял.

— Можете идти, Билли. От этого мальчика масса хлопот, Ватсон. Имею ли я право подвергать его опасности?

— Какой опасности?

— Опасности быть убитым. Я ожидаю, что сегодня вечером что-то произойдет.

— Что же?

— Меня должны убить, Ватсон.

— Холмс! Не надо так шутить!

— Даже с моим ограниченным чувством юмора можно было бы придумать шутку получше. Но пока что мы можем позволить себе приятно провести время, не так ли? Спиртное вам не противопоказано? Сифон и сигары на старом месте. Садитесь в свое любимое кресло. Я надеюсь, мои трубка и скверный табак не вызовут у вас отвращения? В последние дни они заменяют мне пищу.

— Почему бы вам не поесть?

— Потому что от голода чувства обостряются. Дорогой Ватсон, вы как врач должны согласиться, что та кровь, которая идет на процесс переваривания пищи, не доходит до мозга. Я — мозг, Ватсон, а все остальное — всего лишь его придатки. Поэтому в первую очередь я должен считаться со своим мозгом.

— Ну а эта опасность, Холмс?

— Ах да! Если это произойдет, вам, возможно, стоит запомнить имя и адрес моего убийцы. Можете сообщить их в Скотленд-Ярд,

заодно передадите им от меня привет и благословите их на прощание от моего имени. Его зовут Сильвиус. Граф Негретто Сильвиус. Записывайте, записывайте! Мурсайд-гарденс, 136, N. W[1]. Записали?

От волнения губы на открытом лице Ватсона слегка подергивались. Он прекрасно знал, на какой риск способен Холмс, и что слова его сто́ит воспринимать скорее как преуменьшение, чем преувеличение. Ватсон всегда был человеком дела и сейчас не стал себя сдерживать.

— Можете рассчитывать на меня, Холмс. Ближайшие день-два мне нечем заняться.

— Ваши моральные принципы ни капли не улучшились, Ватсон. К остальным своим недостаткам вы добавили еще и вранье. Да с первого взгляда на вас видно, что вы занятой врач, у которого нет и часа свободного времени.

— Но мои дела далеко не так важны. А вы не можете арестовать этого человека?

— Да, Ватсон, могу, и именно это его больше всего волнует.

— Тогда почему же вы этого не делаете?

— Потому что я не знаю, где находится бриллиант.

— Ах да! Билли рассказал мне. Исчезнувший бриллиант короны!

— Да, большой желтый камень Мазарини. Я расставил сеть и уже поймал рыбу, но камень все еще не у меня. Конечно, если мы посадим их за решетку, мир от этого станет чище, но не это моя цель. Я должен найти камень.

— А этот граф Сильвиус, он что, одна из рыб в ваших сетях?

— Акула. Он кусается. Еще туда угодил Сэм Мертон, боксер. Этот Сэм в общем-то неплохой человек, но граф использовал его. Сэм не акула. Это, скорее, большой глупый пескарь, но он тоже бьется в моей сети.

— А где сейчас этот граф Сильвиус?

— Я сегодня все утро терся рядом с ним. Вам приходилось видеть меня в образе старухи, Ватсон, но в этот раз я превзошел самого себя. Один раз он даже поднял мой зонтик, когда я его случайно выпустил из рук. «С вашего позволения, мадам», — сказал он. Он ведь наполовину итальянец и, когда в настроении, может быть очень любезен, но когда не в настроении — это сущий дьявол. Жизнь полна причудливых неожиданностей, Ватсон.

— Это могло закончиться очень плохо.

— Могло. Я шел за ним до старой мастерской Штраубензе на Майнорис*. Штраубензе изготовил духовое ружье... Превосходный образец, насколько я понимаю, и я почти уверен, что сейчас оно в окне напротив. Вы видели куклу? Ну конечно, Билли показал ее вам. Так вот, в любую секунду она может получить пулю в свою прекрасную голову. А, Билли, в чем дело?

На этот раз мальчик появился в комнате с визитной карточкой на подносе. Когда Холмс взглянул на нее, его брови поползли вверх и на лице появилась удивленная улыбка.

— Надо же, легок на помине! Такого я не ожидал. Держите сеть покрепче, Ватсон! Это человек стальных нервов. Возможно, вы слышали, что он считается великолепным охотником на крупную дичь. Если он добавит к своим охотничьим трофеям и мою голову, это поистине будет его величайшим достижением. Как видите, он почувствовал, что я к нему уже очень близко подобрался.

— Нужно вызвать полицию.

— Возможно, это и стоило бы сделать, но не сейчас. Вы не могли бы осторожно выглянуть в окно, Ватсон? Посмотрите, на улице никого нет?

Ватсон аккуратно выглянул из-за занавески.

— Да, у двери стоит какой-то человек, довольно неприятной наружности.

— Это Сэм Мертон. Преданный, но весьма недалекий Сэм. Где этот джентльмен, Билли?

— В приемной, сэр.

— Когда я позвоню, ведите его сюда.

— Да, сэр.

Ватсон дождался, когда за слугой закрылась дверь, и взволнованно повернулся к другу.

— Послушайте, Холмс, это же неразумно. Это отчаянный человек, который не остановится ни перед чем. А что, если он пришел убить вас?

— Не удивлюсь, если это так.

— Как хотите, а я остаюсь с вами.

— Ваше присутствие очень помешает, Ватсон.

— Ему?

— Нет, дорогой друг, мне.

— Но я не могу оставить вас одного.

— Можете, Ватсон. И оставите, потому что вы всегда играли по правилам. Я уверен, что вы и на этот раз не подведете меня. Этот человек явился сюда ради своих целей, но воспользуюсь его визитом я.

Холмс достал записную книжку и черкнул несколько строк.

— Берите кеб и езжайте в Скотленд-Ярд. Отдадите это Югелу из отдела уголовных расследований. Возвращайтесь с полицией, и этот человек будет арестован.

— Сделаю это с радостью.

— Надеюсь, пока вас не будет, мне как раз хватит времени разузнать, где находится камень, — он взялся за звонок. — Думаю, будет лучше выйти через спальню. Этот второй выход чрезвычайно полезен. Я бы предпочел встретиться с этой акулой так, чтобы она меня не увидела, и для этого у меня, как вам известно, есть свои методы.

Когда же Билли через минуту ввел графа Сильвиуса в комнату, она оказалась пуста. Знаменитый охотник, спортсмен и светский лев был рослым и крепким смуглолицым мужчиной с пышными темными усами, оттеняющими жестокий тонкогубый рот, над которым нависал длинный крючковатый нос, похожий на орлиный клюв. Одет он был элегантно, но яркий галстук, сверкающая булавка и блестящие перстни на пальцах — все это вместе производило вызывающий эффект. Когда дверь закрылась у него за спиной, он свирепо и вместе с тем настороженно обвел комнату таким взглядом, будто ожидал за каждым поворотом обнаружить ловушку. Потом, увидев у окна неподвижную голову и воротник халата, выступающие над спинкой кресла, он от неожиданности сильно вздрогнул. Поначалу лицо его не выражало ничего, кроме удивления, но потом в его темных глазах загорелся кровожадный дьявольский огонек. Он еще раз осмотрелся, чтобы убедиться, что вокруг нет свидетелей, и на цыпочках, приподняв трость, стал приближаться к застывшей фигуре. Он уже приготовился сделать последний решающий прыжок и нанести удар, когда из открытой двери спальни до него донесся спокойный насмешливый голос.

— Не стоит, граф! Будет жаль, если вы ее разобьете.

С перекошенным от изумления лицом убийца тут же метнулся назад. На миг он снова занес тяжелую трость, словно желая перенести

свою ярость с куклы на оригинал, но в серых внимательных глазах и насмешливой улыбке Холмса было что-то такое, что заставило его опустить руку.

— Милая вещица, — сказал Холмс, направляясь к скульптуре. — Ее изготовил Тавернье, французский лепщик. Он такой же мастер по изготовлению восковых фигур, как ваш друг Штраубензе — по изготовлению духовых ружей.

— Духовых ружей? О чем вы, сэр?

— Кладите шляпу и трость на столик. Благодарю вас. Прошу садиться. Вас не затруднит выложить и револьвер? Нет? Прекрасно, можете продолжать сидеть на нем, если хотите. Как хорошо, что вы решили зайти ко мне, я ведь и сам хотел поговорить с вами.

Граф нахмурил тяжелые грозные брови.

— Я тоже хотел переброситься с вами парой слов, Холмс. Для этого и пришел. Не стану спорить, я действительно только что собирался напасть на вас.

Холмс присел на краешек стола.

— Я догадался, что подобная мысль пришла вам в голову, — сказал он. — Но чем я заслужил такое внимание с вашей стороны?

— Тем, что вы сделали все, чтобы вывести меня из себя. Тем, что вы пустили за мной своих помощников.

— Помощников? Уверяю вас, вы ошибаетесь.

— Будет вам! Я видел, что за мной следят. Но мы еще посмотрим, чья возьмет, Холмс.

— Это, конечно же, мелочь, но я бы попросил вас, когда вы обращаетесь ко мне, добавлять слово «мистер». Думаю, вы понимаете, что по роду своей деятельности я слишком хорошо знаком с доброй половиной жуликов и не хочу допускать фамильярности с кем бы то ни было, дабы не вводить в соблазн других.

— Хорошо, пусть будет мистер Холмс.

— Превосходно! И все же вы ошибаетесь, полагая, что я пускал по вашему следу каких-то помощников.

Граф Сильвиус презрительно рассмеялся.

— Не вы один такой наблюдательный. Вчера это был какой-то старый бездельник. Сегодня — престарелая леди. Они весь день с меня глаз не спускали.

— Право, сэр, вы мне льстите. Старый барон Доусон за день до того, как был повешен, сказал, что в моем случае правосудие выиграло столько же, сколько потеряла сцена. А теперь вот и вы хвалите мои небольшие роли.

— Так это были вы? Вы сами?

Холмс пожал плечами.

— Посмотрите вон в тот угол. Видите зонтик, который вы столь любезно подали мне до того, как что-то заподозрили?

— Если бы я знал, вы бы, может, уже никогда...

— Не вернулся в этот скромный дом? Я прекрасно это знал. У всех у нас есть упущенные возможности, о которых можно сожалеть. Но случилось так, что вы не знали, и поэтому мы встречаемся здесь!

Нахмуренные брови графа еще плотнее сдвинулись над зловещими глазами.

— То, что вы говорите, только усугубляет дело. Значит, это не ваши агенты, а вы сами совали нос в мои дела. Выходит, вы признаете, что преследовали меня. Зачем?

— Граф, вы же сами охотились на львов в Алжире.

— И что?

— Скажите, зачем?

— Зачем? Азарт... возбуждение... опасность!

— Наверняка вы думали и о том, что освобождаете страну от опасных хищников.

— Верно.

— Примерно то же самое я могу сказать и о себе!

Граф вскочил, и его рука непроизвольно потянулась к заднему карману брюк.

— Сядьте, сэр, сядьте! У меня есть и другая, более конкретная причина. Мне нужен желтый бриллиант.

Граф Сильвиус сел и с ухмылкой откинулся на спинку кресла.

— Вот как! — произнес он.

— Вы знали, что я слежу за вами именно из-за этого. И на самом деле пришли ко мне, чтобы разузнать, что мне известно об этом деле, и насколько необходимо мое устранение. Я бы сказал, что с вашей точки зрения оно совершенно необходимо, поскольку мне известно абсолютно все, кроме одной подробности, о которой вы мне сейчас расскажете.

— Неужели? И что же это за подробность, позвольте полюбопытствовать?

— Место, где сейчас находится бриллиант короны.

Граф бросил на собеседника острый взгляд.

— Где находится бриллиант? Откуда, черт возьми, я могу знать, где он находится?

— Вы знаете и скажете.

— В самом деле?

— Вам не удастся обмануть меня, граф Сильвиус, — устремленные на собеседника глаза Холмса сузились и холодно блеснули, как два стальных кинжала. — Вы для меня — открытая книга. Я легко могу прочитать любую вашу мысль.

— В таком случае вам не составит труда узнать, где находится бриллиант!

Холмс весело хлопнул в ладоши и указал на собеседника пальцем.

— Значит, вам это все-таки известно. Вы только что это признали, — насмешливо воскликнул он.

— Я ничего не признавал.

— Послушайте, граф, если вы будете благоразумны, мы с вами договоримся. В противном случае вы можете пострадать.

Граф Сильвиус устремил взгляд на потолок.

— И вы еще говорите об обмане! — устало произнес он.

Холмс задумчиво посмотрел на него, как шахматист, рассчитывающий ход, который приведет его к выигрышу. Потом выдвинул ящик письменного стола и достал небольшую, но пухлую записную книжку.

— Знаете, что у меня в ней хранится?

— Нет, сэр, понятия не имею!

— Вы!

— Я?

— Да, сэр, вы! Полностью... Здесь каждый ваш поступок, вся ваша гнусная и опасная жизнь.

— Дьявол! — воскликнул граф, сверкнув глазами. — Знаете, Холмс, мое терпение не безгранично!

— Здесь все, граф. Истинные обстоятельства смерти старой миссис Гаролд, оставившей вам поместье «Блимер», которое вы так быстро проиграли.

— Вы бредите!

— Здесь и история жизни мисс Минни Уоррендер.

— Э, нет! Здесь вы ничего не докажете!

— Это только начало, граф. Здесь и ограбление в поезде, следовавшем на Ривьеру 13 сентября 1892 года. Здесь и чек банка «Креди Лионне», подделанный в том же году.

— Вот тут вы ошибаетесь!

— Значит, в остальном я прав? Послушайте, граф, вы же играете в карты. Нет смысла продолжать игру, если вам известно, что у противника на руках все козыри.

— А какое отношение вся эта болтовня имеет к тому камню, о котором вы говорили?

— Погодите, граф, не спешите. Позвольте мне внятно и спокойно изложить свои мысли. Все эти факты говорят против вас. Но, что самое главное, у меня есть доказательства причастности вас и вашего цепного пса Сэма Мертона к похищению бриллианта короны.

— Вот как!

— Я нашел кебмена, который отвез вас на Уайтхолл*, и кебмена, который вас оттуда увез. Я нашел швейцара, который видел вас у витрины. Я нашел Айки Сэндерса, который отказался распиливать для вас камень. Айки все рассказал, так что ваша игра проиграна.

На лбу графа проступили вены. По тому, как сжались его темные волосатые кулаки, было видно, что он еле сдерживает нахлынувшее на него волнение. Он попытался заговорить, но язык не слушался его.

— Теперь вы знаете расклад, — сказал Холмс. — Я свои карты выложил. Мне не хватает только одной — бубнового короля. Я не знаю, где камень.

— И никогда не узнаете.

— Вы так считаете? Но будьте же благоразумны, граф. Посмотрите, в каком положении вы находитесь. Ближайшие двадцать лет вы проведете в тюрьме. Как и Сэм Мертон. Какой вам прок от этого бриллианта? Никакого. Но, если вы его вернете... Я сделаю так, что дело не дойдет до суда. Вы или Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его и останетесь на свободе, до тех пор, конечно, пока будете себя хорошо вести и не натворите новых дел. Ну а совершите еще одну глупость, тогда уж пеняйте на себя. Но в этот раз передо мной поставлена задача найти камень, а не вас.

— А если я откажусь?

— Ну, тогда... увы! Значит, это будете вы, а не камень.

В ответ на звонок появился Билли.

— Мне кажется, граф, будет лучше, если в этом разговоре примет участие и ваш приятель Сэм. В конце концов, это ведь и его касается. Билли, у нашей двери стоит высокий уродливый господин. Пригласите его войти.

— А если он откажется заходить, сэр?

— Никакого насилия, Билли. Не стоит вести себя с ним грубо. Если вы скажете, что его хочет видеть граф Сильвиус, он непременно согласится.

— И что вы теперь намерены делать? — спросил граф, когда Билли ушел.

— Только что у меня побывал мой друг доктор Ватсон. Я сказал ему, что в мои сети угодили акула и пескарь. Теперь я собираюсь вытащить их на берег.

Граф встал с кресла. Одна рука его была отведена за спину. Холмс опустил ладонь в карман халата, в котором явно лежало что-то увесистое.

— Своей смертью вы не умрете, Холмс.

— У меня часто возникала эта мысль. Но какое это имеет значение? Ведь в конце концов, граф, вам и самому, скорее всего, предстоит встретить конец в вертикальном положении, а не горизонтальном. Однако к чему тратить время на все эти предсказания? Давайте лучше в полной мере насладимся настоящим.

Хищные огоньки вспыхнули вдруг в темных глазах преступника. Холмс напряженно замер, отчего сделался похож на натянутую струну и стал казаться еще выше.

— Не стоит ощупывать револьвер, друг мой, — бесстрастным тихим голосом произнес он. — Вы же прекрасно знаете, что не осмелитесь воспользоваться им, даже если я дам вам время его достать. Это грубое громкое оружие не для вас, граф. Лучше уж оставайтесь верны духовым ружьям. О, я, кажется, слышу легкую поступь вашего уважаемого партнера. Здравствуйте, мистер Мертон. Не заскучили на улице?

Боксер, богатырского телосложения молодой человек с тупым упрямым продолговатым лицом, замер в дверном проеме, озадаченно

осматриваясь по сторонам. Учтивость Холмса для него оказалось неожиданностью, и, хоть он и почувствовал в ней некую враждебность, ему трудно было определить, как правильно на нее реагировать, поэтому он обратился к своему более сообразительному другу за помощью.

— Это что значит, граф? Что этому парню нужно? Что вообще происходит? — сиплым голосом пробасил он.

Но граф лишь пожал плечами, и за него ответил Холмс.

— С вашего позволения, мистер Мертон, я опишу, что происходит, в двух словах: вы проиграли.

Боксер смотрел на Холмса, но обращался все еще к своему подельнику.

— Этот тип хочет пошутить или что? У меня сейчас не веселое настроение.

— Это и понятно, — сказал Холмс. — Думаю, я могу пообещать вам, что скоро оно у вас испортится еще больше. Послушайте, граф Сильвиус, я — занятой человек и не могу позволить себе тратить время попусту. Я иду вон в ту спальню и, пока меня не будет, располагайтесь и почувствуйте себя как дома. Можете объяснить своему другу, как обстоят дела, я не стану вам мешать. Лучше сыграю пока баркаролу из «Сказок Гофмана»* на скрипке. Через пять минут я вернусь за вашим окончательным ответом. Вы ведь понимаете, перед каким выбором стоите? Решайте сами, что попадет нам в руки, вы или камень.

Холмс удалился, по дороге захватив стоявший в углу футляр для скрипки. Через несколько секунд из-за закрытой в спальню двери послышались негромкие жалобные звуки этой популярнейшей из мелодий.

— Так в чем дело? — с тревогой в голосе спросил Мертон, когда его товарищ повернулся к нему. — Он что-то знает о камне?

— Он слишком много знает. Черт побери, по-моему, он вообще все знает!

— Боже правый! — желтоватое лицо боксера побледнело.

— Айки Сэндерс выдал нас.

— Что? Ну я ему за это все кости переломаяю!

— Это нам не поможет. Сейчас нужно решить, что делать дальше.

— Пстой-ка, — произнес боксер, с подозрением посмотрев на закрытую дверь спальни. — А уж не подслушивает ли нас этот хитрый лис?

— Как он может подслушивать, если пиликает на своей скрипке?

— А, ну да. Может, кто-нибудь за занавеской прячется? Что-то в этой комнате слишком много занавесок.

Покрутив головой, Мертон неожиданно заметил восковую скульптуру в кресле у окна. Он замер, указывая на нее пальцем, от удивления не в силах произнести ни слова.

— Это всего лишь кукла! — недовольно произнес граф.

— Что, не живая? Разрази меня гром! Такого и у мадам Тюссо* не увидишь. А ведь как две капли воды похож, халат и все остальное. Но надо проверить занавески, граф.

— Да к черту занавески! Мы теряем время, а у нас его не так уж много. Из-за этого камня он может упрятать нас за решетку.

— Черта с два!

— Но он обещает отпустить нас, если только мы расскажем, где он.

— Что? Отдать ему камень? Отдать сто тысяч фунтов?

— Либо мы, либо камень.

Мертон почесал коротко стриженную макушку.

— Он ведь там один. Порешим его, и концы в воду. Нам тогда нечего будет бояться.

Граф покачал головой.

— Он вооружен и начеку. Если застрелим его в таком месте, как это, нам вряд ли удастся уйти. К тому же полиции, скорее всего, известны все улики. Тихо, что это?

Со стороны окна послышался какой-то смутный шум. Оба мужчины вскочили, но все вокруг было тихо. В комнате, кроме них и странной фигуры в кресле у окна, явно никого не было.

— Наверное, что-то на улице, — сказал Мертон. — Ладно, шеф, ты же у нас голова, ты придумаешь, как нам из этого дела выпутаться. Если не надо работать кулаками, тогда это твоя забота.

— Я обводил вокруг пальца людей и поумней, чем он, — сказал на это граф. — Камень со мной, он здесь у меня в потайном кармане. Я с ним не расстаюсь. Сегодня же его можно отправить за границу, и уже до воскресенья его распилят на четыре части в Амстердаме. О Ван Седдаре он не знает.

— Я думал, Ван Седдар собирался уезжать на следующей неделе.

— Собирался, но теперь ему придется плыть на первом же корабле. Кому-то из нас понадобится отправиться с камнем на Лайм-стрит и все ему рассказать.

— Но двойное дно еще не готово.

— Придется ему рискнуть и ехать так. Нельзя терять ни секунды. — Чувство опасности, которое так развито у охотников, заставило его замолчать и еще раз внимательно посмотреть на окно. Да, наверняка этот непонятный тихий звук донесся с улицы. — А что касается Холмса, — продолжил он, — его обмануть не сложно. Понимаешь, этот глупец сказал, что не арестует нас, если мы отдадим ему камень. Мы пообещаем ему камень, пустим его по ложному следу, когда же он поймет, что след ложный, камушек этот будет уже в Голландии, а мы уедем из Англии.

— Как по мне, так звучит неплохо, — криво улыбнулся Мертон.

— Ты поедешь к голландцу, скажешь, чтобы он ехал, а я тем временем поговорю с этим дураком, навру ему, что камень в Ливерпуле. Черт бы побрал эту музыку! Она действует мне на нервы... К тому времени, когда он поймет, что в Ливерпуле ему искать нечего, это уже будет не один бриллиант, а четыре, но поменьше, а мы будем в открытом море. Отойди оттуда, чтобы тебя не было видно в замочную скважину. Камушек у меня здесь.

— И как ты не боишься носить его с собой?

— Так безопаснее всего. Если нам удалось украсть его из Уайтхолла, кто-нибудь другой наверняка сможет украсть его и из моего дома.

— Давай посмотрим.

Граф Сильвиус, слегка поморщившись, бросил на своего компаньона презрительный взгляд, словно не заметив протянутой к нему немойтой руки.

— Что... Ты думаешь, я его умыкну? Послушай, я уже начинаю уставать от твоей подозрительности.

— Ну-ну, не обижайся, Сэм. Нам нельзя ссориться. Если хочешь увидеть всю красоту камня, подойди ближе к окну. Посмотри через него на свет. Ну как? Видишь?

— Спасибо!

С кресла, на котором сидела восковая фигура, вскочил Холмс и выхватил бесценное сокровище. Теперь камень был зажат в его руке, второй он держал револьвер, нацеленный на голову графа. Оба преступника от неожиданности отступили назад. Пока они не пришли в себя, Холмс нажал кнопку электрического звонка.

— Прошу вас, джентльмены, давайте обойдемся без насилия! Поберегите мебель! Ваше положение безнадежно. Внизу уже ждет полиция.

Удивление графа оказалось сильнее его ярости и страха.

— Но как, черт побери... — заплетающимся языком пробормотал он.

— Ваше недоумение естественно. Вам ведь неизвестно, что вторая дверь из моей спальни ведет за эту занавеску. Боюсь, вы услышали, как я убирал из кресла фигуру, но удача оказалась на моей стороне. Я получил возможность услышать ваш оживленный разговор, который был бы далеко не так содержателен, если бы вы знали о моем присутствии.

Граф покорно махнул рукой.

— Ваша взяла, Холмс. Должно быть, вы — сам дьявол.

— По крайней мере, что-то общее у нас есть, — вежливо улыбнулся Холмс.

Медленно работающий мозг Сэма Мертона не сразу осознал, что произошло. Дар речи к нему вернулся, только когда на лестнице раздались тяжелые шаги.

— Хорошо, застучали вы нас на горячем, — сказал он. — Но кто это играет? Я все еще слышу эту чертову скрипку, будь она неладна!

— Ну-ну, не горячитесь! — ответил Холмс. — Пусть играет. Эти современные граммофоны — чудесное изобретение.

В комнату ворвалась полиция, защелкнулись наручники, и преступников увели в ожидающий внизу кеб. Ватсон остался с Холмсом, чтобы поздравить его с добавлением очередного листка к его лавровому венку, но их разговор снова был прерван появлением невозмутимого Билли с визитной карточкой на подносе.

— Лорд Кантлмир, сэр, — объявил он.

— Проводите его сюда, Билли. Этот знатный пэр представляет высочайшие интересы, — сказал Холмс. — Он ответственный и по-своему хороший человек, но, я бы сказал, несколько отстал от жизни.

Ну что, поднимем ему настроение? Позволим себе небольшую вольность? Насколько я понимаю, о том, что только что произошло, он еще ничего не знает.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел худой строгого вида мужчина с грубыми чертами лица и вислыми черными как смоль средневикторианскими бакенбардами, которые совершенно не сочетались с сутулой спиной и старческой походкой. Холмс любезно направился навстречу гостю и пожал вялую руку.

— Здравствуйте, лорд Кантлмир. Как поживаете? На улице довольно прохладно для этого времени года, но у нас тут тепло. Позвольте ваш плащ.

— Нет, благодарю вас. Я не буду раздеваться.

Но Холмс настойчиво положил руку на его рукав.

— Позвольте, я вам помогу. Мой друг доктор Ватсон подтвердит, что такие перепады температуры очень коварны и плохо воздействуют на организм.

Его сиятельство раздраженным жестом стряхнул руку Холмса.

— Я вполне хорошо себя чувствую, сэр. Задерживаться у вас я не собираюсь. Я заглянул лишь для того, чтобы узнать, как продвигается дело, которое вы сами на себя возложили.

— Дело оказалось трудным... Очень трудным.

— Я знал, что вы это скажете.

Во взгляде и словах старого придворного чувствовалась нескрываемая насмешка.

— Выше головы не прыгнешь, мистер Холмс. Но, по крайней мере, осознание этого прекрасно излечивает от такой человеческой слабости, как самодовольство.

— Вы правы, сэр, но загадка оказалась чрезвычайно сложной.

— Не сомневаюсь.

— Особенно меня смутило одно обстоятельство. Не сможете ли вы мне разобраться?

— Что-то поздновато вы решили просить у меня совета. Я думал, вы полностью полагаетесь на свои методы. Впрочем, я готов помочь вам.

— Видите ли, лорд Кантлмир, мы можем предъявить обвинение истинным похитителям бриллианта.

— Когда поймаете их.

— Разумеется. Однако вопрос заключается в том, как поступить с тем, у кого камень окажется в конечном итоге?

— Не слишком ли рано задумываться об этом?

— Лучше быть готовым ко всему заранее. Какие улики, по-вашему, могут указать на этого человека?

— Тот, у кого будет найден камень, и есть этот человек.

— И на основании этого вы готовы его арестовать?

— Несомненно.

Холмс почти никогда не смеялся, но его старинный друг доктор Ватсон не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь был ближе к этому, чем в ту минуту.

— В таком случае, дорогой сэр, у меня не остается другого выхода, кроме как настаивать на вашем аресте.

Лорд Кантлмир вскипел. Даже желтоватые щеки его, давным-давно утратившие живой цвет, зарделись пламенем.

— Что вы себе позволяете, мистер Холмс? За пятьдесят лет общественной деятельности я ничего подобного не слышал. Я деловой человек, сэр, я занимаюсь важными делами, и у меня нет ни времени, ни желания выслушивать ваши глупые шутки. Скажу вам откровенно, сэр, я никогда особенно не верил в ваши силы и придерживался мнения, что это дело нужно было поручить полиции. И ваше поведение подтверждает все мои выводы. Позвольте откланяться.

Холмс быстро обошел пэра сбоку и встал между ним и дверью.

— Одну минуту, сэр, — сказал он. — Пока что вы всего лишь временно владеете камнем Мазарини, но если попытаетесь с ним скрыться, это значительно усугубит вашу вину.

— Сэр, это переходит всякие границы! Пропустите меня.

— Проверьте правый карман вашего плаща.

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

— Давайте-давайте, сделайте то, что я прошу.

И в следующий миг изумленный пэр уже ошеломленно взирал на большой желтый камень, который лежал на его трясущейся раскрытой ладони.

— Что... Но... Как это понимать, мистер Холмс? — заплетающимся языком пролепетал он.

— Ай-я-яй, лорд Кантлмир, ай-я-яй! — воскликнул Холмс и с улыбкой покачал головой. — Но мой старый друг доктор Ватсон

расскажет вам, как я люблю подобные мистификации и какую питаю слабость к драматическим ситуациям. Я взял на себя смелость (признаю, nepозволительную смелость) сунуть камень вам в карман в начале нашего разговора.

Старый пэр с трудом заставил себя оторваться от камня и посмотреть на веселое лицо перед ним.

— Сэр, я совершенно сбит с толку. Но... Да... Это в самом деле камень Мазарини. Мы перед вами в долгу, мистер Холмс. Чувство юмора у вас, как вы сами говорите, довольно извращенное, да и время для шуток вы выбрали самое неподходящее, но я беру назад все свои слова насчет ваших профессиональных качеств. Но как...

— Дело закончено лишь наполовину, частности могут и подождать. Я не сомневаюсь, лорд Кантлмир, что то удовольствие, которое вы получите, принеся столь радостное известие в свой великосветский круг, несколько компенсирует мой розыгрыш. Билли, проводите его светлость и передайте миссис Хадсон, что я буду весьма признателен, если она побыстрее подаст нам обед на двоих.

Дело II. Загадка моста Тор

Где-то в подвалах банка «Кокс энд К°» на Чаринг-Кросс* хранится старая потертая жестяная коробка, на крышке которой написано мое имя: Джон Х. Ватсон*, доктор медицины, бывший полковой лекарь Индийской армии*. Она доверху набита бумагами, и почти все они являются записями о тех интересных случаях, которыми в разное время приходилось заниматься мистеру Шерлоку Холмсу. Есть там и отчеты о неудачах моего друга. Хотя дела эти не менее захватывающи, нежели его победы, они вряд ли когда-нибудь будут выставлены на суд публики по той простой причине, что не имеют развязки. Расследование без окончательного решения может заинтересовать профессионала, но у обычного читателя вызовет лишь раздражение. Среди этих незавершенных рассказов есть история о мистере Джеймсе Филлиморе, который, выйдя из дому, вернулся за забытым зонтиком и бесследно исчез. Не менее примечательным является дело о яхте «Алишиа», которая одним весенним утром заплыла в небольшое туманное облако да так из него и не вышла, и что стало с ней и с ее экипажем по сей день остается загадкой. Третий случай, заслуживающий внимания, — это загадка Айседора Персано, известного журналиста и дуэлянта, найденного впавшим в совершенное безумие со спичечным коробком в руках, в котором находился странный червь неизвестного науке вида. Помимо этих необъяснимых дел, есть там и те, что затрагивают такие тайны кое-каких известных фамилий, которые, попади они в печать, повергли бы в ужас определенные круги высшего общества. Но нужно ли говорить, что подобное нарушение доверия совершенно невысказуемо, и эти записи будут изъяты и уничтожены теперь, когда у моего друга появилось время заняться этим. Остается еще большое количество в той или иной степени и других интересных дел; я опубликовал бы их и раньше, если бы не боялся вызвать у публики пресыщение, не лучшим образом повлиявшее бы на карьеру человека, перед которым я преклоняюсь, и которого уважаю больше чем кого бы то ни было. Об одних я могу говорить как человек, видевший все своими

собственными глазами. В иных я или не участвовал вовсе, или сыграл такую незначительную роль, что рассказать о них могу только от третьего лица. В событиях, о которых пойдет речь ниже, я принимал непосредственное участие.

Было ненастное октябрьское утро. Одеваясь, я наблюдал за тем, как безумный ветер обрывает и, кружа, уносит прочь последние листья одинокого платана, который украшает задний двор нашего дома. Я спустился к завтраку, готовый застать своего компаньона в дурном расположении духа, поскольку он, как и все великие художники, легко поддавался воздействию природы. Но, как оказалось, он уже почти доел завтрак, и настроение у него было самое радужное, о чем свидетельствовала несколько грубоватая веселость, неизменно охватывавшая его в минуты радости.

— Вы занялись новым делом, Холмс? — поинтересовался я.

— Умение делать выводы определенно заразительно, Ватсон, — ответил он. — Видите, как оно помогло вам раскрыть мою тайну. Да, у меня новое дело. После месяца простоя и занятий всякой чепухой колеса снова пришли в движение.

— Вы посвятите меня в него?

— Да тут и посвящать особо не во что, но мы можем обсудить его после того, как вы съедите эти два сваренных вкрутую яйца, которыми решила побаловать нас наша новая кухарка. Качество их находится в прямой зависимости от «Фэмилы геральд»*, последний номер которой я вчера видел в прихожей на столике. Даже такое простое дело, как варка яиц, требует внимания, необходимое для того, чтобы следить за временем, и совершенно несовместимо с чтением романтических историй в этой превосходной газете.

Через четверть часа со стола было убрано, и мы остались одни. Холмс достал из кармана письмо.

— Вам знакомо имя Нейла Гибсона, золотого короля? — спросил он.

— Вы о том американском сенаторе?

— Однажды он был сенатором от одного из западных штатов, но известен как крупнейший золотопромышленник в мире.

— Да, я о нем слышал. По-моему, он какое-то время жил в Англии. Очень знакомое имя.

— Лет пять назад он купил большое поместье в Хэмпшире*. Может быть, вы слышали и о том, как трагически оборвалась жизнь его жены?

— Да-да, припоминаю. Поэтому-то его имя и показалось мне знакомым. Но подробностей я не знаю.

Холмс указал на стул, на котором лежали какие-то бумаги.

— Я не подозревал, что мне придется столкнуться с этим делом, иначе подготовил бы материалы, — сказал он. — Дело в том, что вся эта загадка, хоть и наделала много шума, на самом деле очень проста. Улики настолько явные, что даже необычность подозреваемого не повлияла на решение коронерского жюри и полицейских следователей. Сейчас дело передано в Винчестер* на рассмотрение выездной сессии суда присяжных. Боюсь, это безнадежное дело. Я могу установить факты, Ватсон, но изменить что-либо не в моих силах. Если только не обнаружится что-то совершенно неожиданное, моему клиенту, похоже, рассчитывать не на что.

— Клиенту?

— Ах да, я же еще не рассказывал вам. Похоже, я перенимаю вашу привычку, Ватсон, начинаю рассказывать с конца. Прочитайте сперва вот это.

Он вручил мне письмо, написанное четким уверенным почерком. Вот что в нем говорилось:

«Гостиница “Клариджес”,

3 октября

Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Я не могу наблюдать за тем, как отправляют на смерть лучшую из всех женщин, когда-либо живших в этом мире, и не попытаюсь сделать все возможное, чтобы спасти ее. Я ничего не могу объяснить, я знаю, что бесполезно даже пытаться что-нибудь объяснить, но только я совершенно уверен, что мисс Данбар невиновна. Вам известны факты... Кто же их не знает! Об этом говорила вся страна. И никто, ни один человек не попытался защитить ее! Эта жуткая несправедливость сводит меня с ума. Если б Вы знали, какое сердце у этой женщины! Она не то что человека, муху убить не в состоянии! Завтра в одиннадцать часов я хочу зайти к Вам узнать, не удастся ли Вам пролить свет на это дело. Вдруг я обладаю каким-нибудь ключом к разгадке, а сам не подозреваю об этом? Но в любом случае, все, что

известно мне, все, что у меня есть, и я сам полностью в Вашем распоряжении, лишь бы это помогло спасти ее. Если Вы действительно обладаете хоть какими-то способностями, обратите их на это дело.

Искренне Ваш,
Дж. Нейл Гибсон».

— Ну вот, теперь вам все известно, — произнес Шерлок Холмс, выбивая остатки табака из трубки и неторопливо наполняя ее заново. — Этого джентльмена я и дожидаясь. Что касается самого происшествия, то прочитайте все, что у меня есть по этому делу, вы вряд ли успеете, поэтому я могу вкратце изложить вам события, если вы действительно намерены принять участие в расследовании. Этот человек является величайшей финансовой силой в мире и, как я слышал, отличается жутким, невероятно вспыльчивым нравом. Он был женат, его жена и стала жертвой этой трагедии. О ней мне ничего не известно кроме того, что она была уже немолода, и это стало причиной последующих осложнений, когда для воспитания двух их маленьких детей была нанята няня, весьма привлекательная особа. Вот те трое, кто замешан в этом деле. Место действия — большой старинный особняк в самом сердце исторического района Англии. Теперь о самой трагедии. Тело жены с простреленной головой было обнаружено поздно ночью в полумиле от особняка. На ней было платье для обеда, на плечах — шаль. Погибла она от револьверной пули, но никакого оружия рядом с ней найдено не было. Подозреваемых также нет. На месте оружия не нашли, Ватсон, обратите на это особое внимание! Судя по всему, преступление было совершено поздно вечером, труп примерно в одиннадцать часов обнаружил егерь. Прежде чем отнести тело в дом, оно было осмотрено полицией и врачом. Я излагаю факты слишком скомкано, или вам все понятно?

— Все предельно ясно, но почему подозрение пало на гувернантку?

— Во-первых, есть одна улика, которая указывает прямо на нее. На полу в ее гардеробе был найден револьвер с одним пустым гнездом в барабане, калибр которого совпадает с калибром пули, — тут взгляд Холмса замер, и он повторил, произнося каждое слово по отдельности: — На... полу... в... ее... гардеробе, — после чего замолчал, и я увидел, что им овладели какие-то мысли, ход которых мне было бы в

высшей степени неразумно прерывать. Неожиданно вздрогнув, он как будто опомнился. — Да-да, Ватсон, его нашли. Просто убийственная улика, вы не находите? Так решили и те судьи, которые рассматривали дело. Далее, у убитой женщины была найдена подписанная гувернанткой записка, в которой ее приглашали на то самое место, где и произошло убийство. Как вам это нравится? Наконец, у гувернантки имеется и мотив. Сенатор Гибсон — привлекательный мужчина. Если его жена погибает, кому занять ее место, как не юной красавице, которая и так уже пользуется повышенным вниманием со стороны своего хозяина? Любовь, богатство, власть, слишком многое зависело от жизни одной женщины средних лет. Скверно, Ватсон... Очень скверно!

— М-да, действительно.

— К тому же у нее нет алиби. Более того, доказано, что она находилась у моста Тор (именно там произошло убийство) в то самое время, когда было совершено преступление. Ее видел там кто-то из местных.

— Похоже, что это все доказывает.

— И все же, Ватсон, и все же... Этот мост (широкий, каменный, с балюстрадами) переброшен через самое узкое место длинного и глубокого поросшего тростником водоема, который называется пруд Тор. Труп женщины лежал у подножия моста. Таковы основные факты. Но вот, если не ошибаюсь, и наш клиент. Значительно раньше назначенного времени.

Дверь открыл Билли, но он назвал совсем не то имя, которое мы ожидали услышать. Мистер Марлоу Бейтс был не известен ни мне, ни Холмсу. Оказалось, это нервный, худенький как тростинка молодой человек с испуганными глазами и дерганными, неуверенными движениями. Я, с медицинской точки зрения, сказал бы, что этот человек находился на грани нервного срыва.

— Вы, кажется, сильно взволнованы, мистер Бейтс, — сказал Холмс. — Прощу, присаживайтесь. Боюсь, я не смогу уделить вам много времени, потому что на одиннадцать часов у меня назначена встреча.

— Я об этом знаю, — выпалил наш гость, голос его срывался, и говорил он короткими предложениями, как человек, который задыхается. — Мистер Гибсон скоро будет. Мистер Гибсон — мой

хозяин. Я — управляющий его именем. Мистер Холмс, он — страшный человек, настоящее чудовище.

— Это серьезные слова, мистер Бейтс.

— Простите, что я так несдержан, мистер Холмс, но у меня очень мало времени. Я меньше всего на свете хочу, чтобы он застал меня здесь. Он будет здесь с минуты на минуту, но обстоятельства сложились так, что я не мог прийти раньше. Мистер Фергюсон, его секретарь, только сегодня утром рассказал, что он назначил вам встречу.

— А вы его управляющий?

— Я уже поставил его в известность, что собираюсь уволняться. Через пару недель это проклятое рабство закончится. Все его благовидные поступки — не более чем ширма, скрывающая грехи. Но больше всего от него страдала его жена. Он издевался над ней. Да-да, сэр, издевался! Как она погибла, мне неизвестно, но я точно знаю, что он превратил ее жизнь в сплошную муку. Родом она была из жарких краев, родилась в Бразилии, вам это наверняка известно...

— Нет, я этого не знал.

— И сердце у нее было такое же жаркое. Настоящее дитя солнца и страсти. Она любила его так, как могут любить только такие знойные женщины, но когда ее красота увяла... Мне рассказывали, что когда-то она была настоящей красавицей... Его уже ничто не привлекало в ней. Мы все очень любили ее. Жалели ее и ненавидели его за то, как он с ней обращался. Но он изворотлив, хитер и умеет пустить пыль в глаза. Это главное, что я хотел вам сказать. Не дайте ему обмануть вас, не судите по его внешнему виду. А теперь я пойду. Нет-нет, не задерживайте меня, он вот-вот явится!

Бросив испуганный взгляд на часы, наш странный гость буквально выбежал из комнаты, кубарем скатился по лестнице и исчез на улице.

— М-да! — помолчав, произнес Холмс. — Ничего не скажешь, преданные слуги у мистера Гибсона. Но это предостережение может оказаться полезным. Нам остается только ждать, пока появится он сам.

Точно в назначенный час с лестницы донеслись тяжелые шаги, и в нашу комнату провели знаменитого миллионера. С первого взгляда я понял не только, почему этого человека так боялся и ненавидел его собственный управляющий, но и причину, по которой на его голову сыпались бесчисленные проклятия его конкурентов. Если бы я был

скульптором и захотел бы создать портрет успешного делового человека, обладателя стальных нервов и холодного рассудка, в качестве модели я бы выбрал мистера Нейла Гибсона. Его высокая костлявая грубая фигура наводила на мысль о вечном голоде и ненасытном аппетите. Если представить себе Авраама Линкольна, нацеленного на достижение не высоких идеалов, а низменных целей, станет понятно, какое впечатление производил этот человек. Его лицо было словно высечено из гранита: грубое, решительное, беспощадное, в глубоких морщинах — шрамах, оставшихся после бесчисленных сражений на полях экономических войн. Ледяные серые глаза под оцетинившимися бровями внимательно осмотрели нас по очереди. Когда Холмс назвал мое имя, он небрежно кивнул, после чего похозяйски придвинул стул к моему другу и уселся напротив него, чуть ли не касаясь его своими костлявыми коленями.

— Позвольте мне сказать прямо, мистер Холмс, — начал он. — В этом деле деньги для меня не имеют значения. Можете жечь их, если посчитаете, что свет от этого огня поможет вам установить истину. Эта женщина невиновна, и все обвинения должны быть с нее сняты. Как это сделать — решать вам. Назовите сумму!

— Размеры моих гонораров точно установлены, — сухо произнес Холмс. — Я их не меняю, за исключением тех случаев, когда вовсе отказываюсь от вознаграждения.

— Что ж, если доллары для вас ничего не значат, подумайте о репутации. Если вам удастся провернуть это дело, все газеты Англии и Америки будут трубить о вас. Вы станете знаменитостью на двух континентах.

— Благодарю вас, мистер Гибсон, но у меня нет желания становиться знаменитостью. Может быть, вас это удивит, но я предпочитаю работать анонимно, меня привлекает сама задача, а не выгода, которую принесет ее решение. Но мы теряем время. Давайте обратимся к фактам.

— Думаю, все основные факты вы могли узнать из газет. Вряд ли я смогу добавить что-либо существенное. Впрочем, если вы хотите, чтобы я рассказал вам о чем-нибудь подробнее, я готов помочь вам.

— Меня интересует лишь одно.

— Что именно?

— В каких отношениях вы состоите с мисс Данбар?

Золотой король от неожиданности вздрогнул и даже привстал со стула. Но уже в следующий миг невозмутимость вернулась к нему.

— Я полагаю, вы имеете право... и причины задавать подобные вопросы, мистер Холмс.

— Вы правильно полагаете, — кивнул Холмс.

— В таком случае я отвечу, что наши отношения никогда не выходили за рамки тех, что могут быть между хозяином и его молодой работницей, с которой он никогда не разговаривал и даже не встречался, кроме тех случаев, когда она находилась рядом с его детьми.

Холмс поднялся с кресла.

— Я очень занятой человек, мистер Гибсон, — сказал он, — и у меня нет ни времени, ни желания вести пустые разговоры. Желаю вам всего доброго.

— Наш посетитель тоже встал и теперь смотрел на Холмса с высоты своего огромного роста. Под колючими бровями заблестели яростные огоньки, желтоватые щеки начали багроветь.

— Какого дьявола? Что вы хотите этим сказать, мистер Холмс? Вы отказываетесь от моего дела?

— Скажем так, мистер Гибсон, я отказываюсь иметь дело с вами. Мне кажется, я достаточно ясно выразился.

— Да уж, яснее некуда, но что это значит? Вы хотите поднять цену или просто боитесь браться за это дело? Объясните. Я имею право требовать ответа.

— Возможно, — согласился Холмс. — Я отвечу вам. Это дело и так достаточно сложное, чтобы приступить к работе над ним на основании ложной информации.

— То есть вы хотите сказать, что я лгу?

— Что ж, я попытался выразить это в деликатной форме, но, если вы настаиваете на этом слове, я не стану спорить.

Я тоже вскочил, поскольку после этих слов лицо миллионера исказилось от гнева, и он занес огромный узловатый кулак. Но Холмса, как видно, это ничуть не смутило, он лишь вяло улыбнулся и потянулся за трубкой.

— Не нужно шуметь, мистер Гибсон. Я давно заметил, что после завтрака любой, даже самый незначительный спор выводит из себя.

Пожалуй, вам будет полезно пройтись по свежему утреннему воздуху и немного спокойно подумать.

Золотопромышленник с трудом усмирил свой гнев. Я поневоле восхитился им, когда увидел, как в считанные секунды одним лишь усилием воли он потушил в себе огонь ярости и сделался презрительно высокомерен.

— Что ж, как хотите, — ледяным голосом процедил он. — Не мне учить вас, как вести дела. Я не могу заставить вас взяться за это дело против вашей воли, но только вы, мистер Холмс, сегодня совершили большую глупость, а я обламывал людей и покрепче вас. Среди тех, кто со мной ссорился, еще не было ни одного, кто потом не пожалел об этом.

— Многие так говорили, а я, как видите, жив и здоров, — улыбнулся Холмс. — Всего доброго, мистер Гибсон. Вам еще многому предстоит научиться.

Наш гость вышел, громко хлопнув дверью, но Холмс еще какое-то время продолжал невозмутимо курить, устремив отстраненный взгляд в потолок.

— Есть какие-нибудь соображения, Ватсон? — наконец заговорил он.

— Знаете, Холмс, я должен признаться: когда думаю, что этот человек способен смести любую преграду на своем пути, и когда вспоминаю, что его жена, очевидно, оказалась такой преградой и вызвала его неудовольствие, как рассказал нам Бейтс, мне начинает казаться, что...

— Вот именно. Мне тоже.

— Но какие у него были отношения с гувернанткой и как вы о них узнали?

— Это был блеф, Ватсон, чистой воды блеф! Сравнивая полный страсти, нерешительный и не деловой тон письма с его самоуверенным видом и манерой держать себя, я абсолютно перестаю сомневаться в том, что здесь замешано глубокое чувство, причем к обвиняемой, а не к жертве. Если мы хотим добраться до истины, нам в первую очередь необходимо понять, какие отношения связывали этих троих. Вы были свидетелем лобовой атаки, которую я провел, и видели, как хладнокровно он ее отразил. Потом я сделал вид, что мне все известно, хотя на самом деле могу лишь подозревать.

— Может, он еще вернется?

— Не сомневаюсь. Обязательно вернется, потому что от этого дела он просто так не отступится. Ха! Вы слышите? Звонок. Что я вам говорил? Это его шаги... Мистер Гибсон, а я как раз говорил доктору Ватсону, что вы почему-то задерживаетесь.

Золотой король вернулся в нашу комнату в более спокойном настроении, чем тогда, когда покинул ее. В насупленном взгляде все еще была заметна ущемленная гордость, но здравый смысл подсказал: если он хочет добиться какого-то результата, ему все же придется уступить.

— Я все обдумал, мистер Холмс, и чувствую, что поступил опрометчиво, восприняв в штыки ваши слова. Вы вправе требовать от меня фактов, какими бы они ни были, и за это я буду уважать вас еще больше. Однако поверьте, что наши отношения с мисс Данбар не имеют ничего общего с этим делом.

— Позвольте мне это решать.

— Да, конечно. Вы, как тот хирург, которому нужно знать все симптомы болезни, чтобы поставить правильный диагноз.

— Совершенно верно. Это удачное сравнение. И только пациент, желающий ввести в заблуждение своего врача, станет что-либо скрывать.

— Да, наверное, но признайте, мистер Холмс, вряд ли найдется такой мужчина, который не смутится, услышав прямой вопрос об отношениях с женщиной... если, конечно же, имеют место действительно серьезные чувства. Я думаю, что у каждого мужчины в душе есть такой уголок, куда не допускаются незваные гости. А вы так неожиданно в него вторглись. Хотя ваша цель, конечно же, извиняет вас, вы ведь хотите помочь и спасти ее. Ну что ж, теперь ставки сделаны, карты открыты, и вы можете задавать любые вопросы. Итак, что вы хотите знать?

— Правду.

Золотой король на миг задумался, словно собираясь с мыслями. Его мрачное, в глубоких морщинах лицо сделалось еще серьезнее.

— Я могу вам все рассказать в двух словах, мистер Холмс, — наконец сказал он. — Но есть такие вещи, о которых мне больно и трудно говорить, поэтому я не стану углубляться в них, если в этом нет необходимости. Со своей будущей женой я познакомился, когда искал

золото в Бразилии. Мария Пинто, дочь одного сановника из Манауса*, была настоящей красавицей. Тогда я был молод и горяч, но даже сейчас, став спокойнее и рассудительнее, я, оглядываясь в прошлое, понимаю, какой красивой она была, с душой такой же глубокой и прекрасной, страстной, пылкой, искренней, несдержанной, совершенно не похожей на тех американских женщин, которых я знал. Короче говоря, я полюбил ее, и мы поженились. Только после того как страсть стала угасать (а это произошло через много лет), я начал понимать, что у нас с ней нет ничего, совершенно ничего общего. Я уже не любил ее так, как прежде. Если бы и с ней произошло то же самое, ей было бы легче. Но вы же знаете, какие странные существа эти женщины! Что бы я ни делал, ничто не могло заставить ее отвернуться от меня. Да, я бывал несдержан или даже, как кое-кто говорит, жесток с ней, но только лишь потому, что казалось, если мне удастся убить ее любовь или обратить в ненависть, нам обоим от этого будет только лучше. Однако ничто не могло изменить Марию. Среди английских лесов страсть ее была такой же пылкой, как и на берегах Амазонки. Как я ни старался, она оставалась преданной мне.

А потом появилась мисс Грейс Данбар. Она пришла по объявлению и стала гувернанткой наших детей. Вероятно, вы видели ее фотографию в газетах. Весь мир признал и ее очень красивой. Я не хочу строить из себя святошу и признаюсь, что не мог жить под одной крышей с такой женщиной, видеться с ней каждый день и не почувствовать страстное влечение. Вы считаете меня виноватым, мистер Холмс?

— Вы не виноваты в том, что в вас вспыхнуло это чувство. Ваша вина в том, что вы позволили ему проявиться, ведь эта юная леди жила в некотором смысле под вашим покровительством.

— Может, и так, — согласился миллионер, хотя укор этот заставил его глаза на миг снова яростно вспыхнуть. — Я не хочу казаться лучше, чем есть на самом деле. Всю жизнь я был человеком, который добивался того, чего хотел, но больше, чем любви и страсти этой женщины, мне никогда и ничего не хотелось. Я так ей об этом и сказал.

— В самом деле?

Холмс, когда его что-то задевало, мог выглядеть очень грозно.

— Я сказал ей, что, если бы мог жениться на ней, я бы женился, но это не в моей власти. Я сказал, что деньги для меня значения не имеют,

и я сделаю все возможное для того, чтобы она была счастлива и ни в чем не нуждалась.

— Это, несомненно, очень благородно с вашей стороны, — с презрительной усмешкой произнес Холмс.

— Послушайте, мистер Холмс, меня интересует ваш взгляд на суть дела, а не на вопросы морали. Я не нуждаюсь в ваших поучениях.

— Я взялся за ваше дело только потому, что меня интересует судьба этой юной леди, — строго произнес Холмс. — И я не уверен, что то, в чем ее обвиняют, страшнее того поступка, в котором вы только признались. Вы попытались погубить беззащитную девушку, которая жила под вашей крышей. Кому-то из вас, богатых людей, нужно научиться понимать, что нельзя деньгами заставить весь мир не замечать то зло, которое вы творите.

К моему удивлению, золотой король не потерял самообладания после очередного укола.

— Сейчас я сам так думаю. Слава Богу, все пошло не так, как я задумал. Она наотрез отказала мне и заявила, что хочет немедленно покинуть мой дом.

— Почему же она этого не сделала?

— Ну, во-первых, у нее были родственники, которые полностью зависели от нее, и ей было не так-то просто подвести их, отказавшись от работы. Когда я дал ей слово (я действительно это сделал), что ничего подобного она от меня больше не услышит, она согласилась остаться. Но была и другая причина. Зная, что обладает надо мной властью, и понимая, насколько эта власть сильна, она хотела воспользоваться этим.

— Каким образом?

— Ей было кое-что известно о моих делах. Это очень серьезные дела, мистер Холмс... Настолько серьезные, что обычный человек просто не сможет понять их масштаба. Я могу возвеличить или погубить... Обычно происходит второе. И речь идет не об отдельных людях, а об организациях, городах, даже народах. Бизнес — жестокое занятие, слабые в нем не выживают. Сам я никогда не жаловался, и мне нет дела до жалоб других. Но она воспринимала все это по-другому. И, наверное, была права. Она считала и не скрывала этого, что богатство, превышающее потребности одного человека, не должно строиться на погубленных судьбах десятков тысяч людей, которые

остаются без средств к существованию. Она это воспринимала так, и мне кажется, когда говорила это, думала не о долларах, а о чем-то более важном. Она видела, что я прислушиваюсь к ее словам, и верила, что сможет сделать этот мир лучше, если будет как-то влиять на меня и мои поступки. Поэтому и осталась... А потом случилось это.

— Расскажите подробно, что произошло.

Миллионер замолчал. Минуту или даже больше он сидел, закрыв лицо ладонями, собираясь с мыслями.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ